

для проезда всѣхъ конгрессистовъ скідку, правленіе балтійской желѣзной дороги рѣшительно превзошло въ любезности всѣкія ожиданія; конечно тутъ помогло и вліяніе нашего почетнаго археолога пр. Ивановскаго; но тѣмъ не менѣе французы были рѣшительно поражены готовностью правленія быть по левымъ дѣлу науки. Въ 9 часовъ вечера 10-го августа особый вагонъ 1-го класса съ залой и отдѣльными спальнями былъ приѣзженъ къ курьерскому ревельскому поѣзду и предоставленъ въ полное распоряженіе гостей; директоръ желѣзной дороги г. Гельмерсенъ явился проводить французовъ, построилъ все къ ихъ удобству и оставилъ вагонъ только тогда, когда поѣздъ долженъ былъ тронуться. Французскіе ученые рѣшительно были ошеломлены такою любезностью со стороны г. директора дороги и прелестію і павѣрное унесутъ самое пріятное впечатлѣніе отъ управлѣнія балтійской желѣзной дорогой. Въ 12 часовъ ночи поѣздъ прибылъ на станцію Волосово, где конгрессовый вагонъ былъ оцѣненъ и поставленъ на запасный путь; утромъ у вагона стояли уже экипажи, въ которыхъ всѣ и отправились къ мѣсту раскопокъ. б. почты полныхъ костяковъ и много бронзовыkhъ украшеній, въ родѣ колецъ, браслетовъ и запонъ, были плодами раскопокъ; французы конечно не совсѣмъ умѣли брались за дѣло; но, когда они совсѣмъ уже разочаровывались въ возможности найти какія нибудь вещи, проф. Ивановскій забирался въ могилу и какъ по заказу вынималъ изъ земли то бронзовую запону, то ножъ, то какою нибудь іной предметъ. Мѣстный землевладѣльцъ баронъ Врангель привѣтилъ гостей къ себѣ отобѣдатъ, приготовилъ постели, но французы приходилось торопиться, и они должны были спѣшить въ Петербургъ, такъ какъ во вторникъ часть изъ нихъѣхъ рѣшила выѣхать къ Катрафемъ ходить прямо въ Монпелье на сѣѣдъ французской ассоціаціи для поощренія науки, а Шантръ спѣшить на Кавказъ, гдѣ думаютъ изслѣдовывать геологію этой интересной страны.

** Въ Екатериносл. Губерн. Вѣдомостяхъ помѣщены сандаки о состояніи хлѣбовъ и трапезѣ по Екатеринославской губ., за іюнь и юль текущаго года. Изъ свѣдѣній этихъ видно, что, вообще, по всей губерніи озимые и яровые хлѣба, также какъ и травы вышли удовлетворительными. Жуки появилась почти повсемѣстно, но, по неизначительному количеству ихъ и всѣдѣствіе привнесенныхъ своеобразно энергическихъ мѣръ къ ихъ уничтоженію особенно вреда непричинили, за исключеніемъ лишь Екатеринославскаго уѣзда, гдѣ жуки, появившись въ большомъ количествѣ, не смотря на истребленіе ихъ, успѣли уничтожить болѣе или менѣе значительное количество озимаго хлѣба.

** "Новое Время" приводитъ изъ "St.-Petersburger Zeitung" о слѣдующемъ ужасномъ случаѣ самоубїства въ гор. Житомирѣ: "Въ юльшнѣ „Hôtel de France“ прибылъ на-днѣахъ какой-то прѣѣзжій изъ Киева. Нѣсколько дней ходилъ онъ безъ устали по улицамъ города, а третьего дня вечеромъ зашелся у себя въ комнатѣ. Такъ какъ было уже поздно, а онъ все не выходилъ, то къ нему начали стучаться, звать его на наконѣцъ выломали двери. Глазами вошедшіхъ представились ужасное зрѣлище. На доскахъ кровати, съ которой матрацъ былъ снятъ, лежалъ на спинѣ квартирантъ совершивший на ноги, только ноги его прикрыты были простыникою. Лѣвая рука его прижата была къ сердцу, правая закочечна въ густыхъ черныхъ волосахъ, глаза были широко раскрыты, черты лица страшно искажены. На тѣлѣ не было замѣтно никакой раны, только по груди шли темнокрасные полосы. Комата полна была удушивающимъ срамомъ, какъ будто отъ перегорѣлого жира. Тотчасъ позвали врача и полицію, трупъ перевернули—и тогда только открылся весь ужасъ обстановки, при которой совершиено было самоубїство: посреди спинного хребта оказалася глубокій прокогъ. Средняя часть спинного хребта почти обуглилась, кругомъ по всей спинѣ шли глубокіе раны отъ обжога. На полу были сѣдины отъ трехъ свѣчъ, прикрытѣнныхъ одна возѣ другой прямо въ полѣ безъ подсѣчниковъ. Возѣ кровати, на стѣнѣ лежала рукоинь, въ которой обозначена причина самоубїства, съ описаніемъ подробностей. Рукоинь написана поперемѣнно на нѣмецкомъ, русскомъ, польскомъ и чешскомъ языкахъ. Содержаніе ея слѣдующее (по-нѣмецки). „Я думалъ пройдетъ; не проходить! Пусть же будетъ такъ! Я этимъ рѣшу одинъ вопросъ. Сумасшедшіе ли самоубїды или они дѣйствуютъ въ здравомъ разсудкѣ? Такъ спрашиваютъ

не въ томъ. Человѣкъ рѣшается покончить съ жизнью тогда только, когда она уже не представляетъ ему ровно никакого интереса, когда во всемъ мірѣ нѣтъ ничего способного вызвать его сочувствіе. Поэтому дѣло не въ томъ, есть ли у самоубїцы разумъ, или же онъ сумасшедшій, а въ томъ, ждѣтъ ли онъ нибудь отъ жизни или нѣтъ.

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА
Харьковскихъ Вѣдомостей
отъ международнаго телеграфа. Агентства, Телеграмма г. министру внутреннихъ дѣлъ изъ Владивостока 18 августа отъ команда крейсера „Нижній Ноѳогордъ“:

ПЕТЕРБУРГЪ, 19 августа. Выгрузка окончена быстро въ порядкѣ; арестанты сошли на Сахалинъ здоровыми, бодрыми; больныхъ сдано четверо, изъ коихъ трое глазныхъ.

НОСІЙЩІЯ ІЗВѢСТИЯ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 17 августа. Въ Journal de St.-Petersbourg телеграфируютъ: Стокгольмъ 27 (15) августа. Посты королеву въ Тульгарпѣ. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ отправилъ съ сегодня вечеромъ на пароходѣ „Царевна“ въ Карлскрону и Коленгагенъ. Король Оскаръ посыпалъ пароходѣ „Царевна“ вчера вечеромъ, возвращаюсь изъ Рикельмъ. Сегодня утромъ, при отѣздѣ изъ Стокгольма, Государь Наслѣдникъ былъ привѣтствованъ горячими привѣтствіями публики.

Въ Петербургѣ открыта седьмая гимназия.

Въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ разрабатывается сложный проектъ по вопросу обѣ устраненіи стечнѣхъ засухъ. Проектируется устройство запрудъ по стеннымъ балкамъ. Министерство Государственныхъ Имуществъ приступило къ составленію предположеній о восприреніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи тѣхъ, которые будутъ доказаны, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду! Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпаны мои послѣднія воспоминанія, мои послѣднія чувства. Думаю также и о той, которая сдѣлалася беззапятнѣе двумъ фатарамъ, горящими свѣчами въ качествѣ исполнительныхъ орудій, и мою всецѣльною волею, которая не отступаетъ передъ болью, значитъ будетъ доказано, что мы свободны умереть, когда захотимъ. Иду!“ Все это было написано на одной страницѣ тердымъ, скорымъ почеркомъ; на другой написано было дрожащою рукою, но ровно и очень неразборчиво: „Посреди ужасныхъ страданій я встаю... но болѣе не такъ сильны, какъ я представляла себѣ. Встаю не для того, чтобы спастись себѣ, нѣтъ, жизнь мій противна, какъ и прежде, но я хочу (по-чески) простишь съ вами въ послѣдній разъ, отѣ мой и матъ моя. Вамъ посыпан